

частично эмигрировали, или были вытеснены, или были переселены в соседние страны, главным образом в северный Вьетнам, а также в Лаос и Таиланд. Некоторые языки группы гэлао известны только по описаниям, составленным в XX в. во Вьетнаме. К довольно позднему времени относится также переселение части мяо в восточную часть провинций Сычуань и Юньнань.

Переселения народов, столкновения государств, изменения их границ известны из исторических сочинений. Здесь тоже есть свои трудности и проблемы, связанные, например, с прочтением тангустских текстов или с национальной принадлежностью государства Наньчжао. Но это совершенно другая история.

А.А. Першин

НЕИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПЛАВАНИИ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ В НОВУЮ ГВИНЕЮ НА КОРВЕТЕ «СКОБЕЛЕВ» В 1883 году

Новые неизвестные материалы о третьем посещении Н.Н. Миклухо-Маклаем Берега Маклая на Новой Гвинее взяты из неопубликованных записок Константина Антоновича Плансона¹ — вице-адмирала Российского Императорского флота — «Неоконченные воспоминания адмирала К.А. Плансона», написанные им в 1920 г. в Крыму.

Рукопись воспоминаний состоит из 53 страниц машинописного текста и описывает плавание корвета «Скобелев»² со дня его выхода из Кронштадта осенью 1882 г. по апрель 1884 г. Из них 20 страниц посвящены плаванию корвета в Новую Гвинею и по островам западной части Тихого океана с Н.Н. Миклухо-Маклаем на борту.

К.А. Плансон попал на «Скобелев» сразу же после окончания Штурманского училища в 1882 г. и проплавал на нем три года, побывав во многих странах Европы, Азии и на российском Дальнем Востоке.

К автору настоящей статьи «Неоконченные воспоминания» К.А. Плансона попали при следующих обстоятельствах.

В 1989 г., собирая материалы для своей книги «Андреевский флаг в Южных морях (Плавание русских военных кораблей в Океании и морях Зондского архипелага)», я по совету большого знатока русской морской топонимики Бориса Георгиевича Масленнико-

ва, автора книги «Морская карта рассказывает», обратился к проживавшей в Москве Лидии Николаевне Радловой, чей отец был женат вторым браком на дочери К.А. Плансона.

Дело в том, что для книги мне были необходимы фотографии офицеров-участников плавания на корвете «Скобелев» в 1882–1885 гг. По словам Б.Г. Масленникова, Л.Н. Радлова имела фотографии К.А. Плансона, сделанные в разные годы его жизни. В свою очередь, Б.Г. Масленников узнал об этом после выхода своей книги в 1986 г. от Николая Евгеньевича Шведе, родного внука К.А. Плансона.

При встрече с Лидией Николаевной я узнал, что она была дочерью известного российского художника Николая Эрнестовича Радлова (1889–1942 гг.) и его первой жены Эльзы Яковлевны Зандер, отец которой — Яков Яковлевич Зандер — был генералом артиллерии русской армии. Эльза Яковлевна умерла в молодом возрасте через несколько лет после рождения дочери.

Николай Эрнестович Радлов вскоре женился на Наталье Константиновне Плансон (1894–1944), дочери К.А. Плансона. Таким образом, Лидия Николаевна Радлова приходилась падчерицей Наталье Константиновне Плансон. Ей последняя и передала записки своего отца. Для Натальи Константиновны этот брак также был вторым. В первом браке она была замужем за Евгением Евгеньевичем Шведе (1890–1977) — известным советским адмиралом и ученым. Их сын — Николай Евгеньевич Шведе (1924–2001), так же как и его отец, был моряком и ученым. К слову сказать, брат Натальи Константиновны Плансон, военный моряк Алексей Константинович Плансон, был женат на сестре Е.Е. Шведе, Марии Евгеньевне Шведе. Сам же Константин Антонович Плансон с юности дружил с отцом Е.Е. Шведе — Евгением Леопольдовичем Шведе (1859–1893) — известным морским офицером Балтийского флота, исследователем Севера.

Во время встречи в апреле 1989 г. Лидия Николаевна и передала мне «Неопубликованные воспоминания» К.А. Плансона и его фотографии.

В текст «Неоконченных воспоминаний адмирала К.А. Плансона» внесена правка по нормам современного русского языка.

«<...> Миль за 200 до Суматры мы заштилили безнадежно и окончательно, а по временам чувствовался даже «запах берега». Этот особый аромат знаком всякому, кто

долго был на море вдали от всяких берегов. С выхода нашего из Адена прошло уже 30 дней.

Мы развели пары, и на 32-й день плавания вошли в Зондский пролив (между Суматрой и Явой) и стали на якорь в Анжере³.

Боже, какая растительность! Колоссальные баобабы, мангры, пальмы всех видов, лианы везде... Голые малайцы навезли на своих пирогах груды ананасов, бананов, манго, и еще массу каких-то неведомых фруктов.

Простояв в Анжере сутки, мы Банским проливом⁴ прошли в Сингапур. Характерный полуевропейский, полукитайский и малайский тропический город.

Много зелени, невысокие одно- и двухэтажные каменные всегда белые дома с большими, играющими роль зонтиков крышами, до которых не доходят стены (для вентиляции), везде широкие крытые веранды и жалюзи на окнах, от палящего солнца. Тесные, скученные китайские дома с лавчонками в китайских кварталах. Невзрачные малайские и индусские плетушки-мазанки под сенью банановых пальм.

Мы грузимся углем, потом моемся, красимся и прихорашиваемся в ожидании прихода адмирала Копытова⁵, который на крейсере «Африка»⁶ идет сюда с севера. Толстый наш командир⁷ от жары и ожидания грозного адмирала нервничает и злится. «Влетает» всем, особенно старшему офицеру⁸ и вахтенным начальникам, а мы, мелкота, стараемся не подвергиваться.

Только через две недели появляется наконец «Африка» под контр-адмиральским флагом. Адмирал перенес свой флаг и сделал нам смотр. Все прошло благополучно, и «черт» оказался не таким страшным, как его малевали «Азиатцы»⁹, а потом «Африканцы».

Мы довольны результатами смотра и еще более тем, что теперь наш командир главным образом занят адмиралом, а нас оставляет в покое. На нас адмирал произвел хорошее впечатление: видный и довольно красивый блондин с длинными, опущенными вниз усами и подстриженной бородкой, фуражка с большим козырьком и одет всегда безукоризненно; держит себя с большим достоинством. Только голос совсем не подходящий к фигуре: тоненький высокий

тенор, почти дискант. Говорят, он большой англоман, яркий консерватор, поклонник Каткова¹⁰ и его идей, ревностный читатель «Московских Ведомостей», «Русских Ведомостей» и т.п. литературы. Мы, младшие, непосредственное общение с ним имеем только во время обедов, к которым поочередно приглашаются офицеры, стоящие на вахте с 4-х до 8-ми утра. В море они же представляют адмиралу непосредственно свои астрономические определения места корабля. Постоянным гостем адмирала за столом бывают командир, два флаг-офицера и флагманский обер-аудитор (судья) Н.Г. Матвеевко.

Младшим флаг-офицером у адмирала был прибывший с ним мичман граф М.А. Апраксин, а старшим адмирал избрал офицера из нашего состава, мичмана А.А. Эбергарда¹¹. Через несколько дней по приезде к нам адмирала «Африка» под командою капитана 2-го ранга Е.И. Алексеева¹² была отпущена домой, в Россию, а мы стали готовиться к дальнейшему плаванию, которое составляло тогда большой секрет. Только выйдя уже в море, мы узнали, что идем в Австралию и оттуда с известным русским путешественником Миклухо-Маклаем по «диким» островам.

Мы, молодые Робинзоны, как нас звал старший штурман¹³, были, конечно, в восторге от такой интересной программы. Первою нашей остановкою была Батавия, на Яве, резиденция голландского Вице-Короля, или генерал-губернатора, всех голландских колоний, с которыми у адмирала были, вероятно, какие-то переговоры.

Батавия — город-сад, тонущий в богатой тропической растительности. Самое замечательное в нем — зоологический сад, подобного которому, по богатству и разнообразию экземпляров, я не видел ни раньше, ни после. Ява сама по себе огромный зоологический сад, и все образцы ее фауны собраны в Батавском саду, начиная от огромных тигров, орангутангов, боа, крокодилов, разнообразных обезьян и пернатых и кончая «ходящими сучками и листьями», представляющими насекомых, достигших высшего предела приспособляемости к окружающей среде.

Как-то вечером пришел на Батавский рейд большой пароход «Чибасса», на пути из Европы в Австралию. С парохода к нам пришла шлюпка, и из нее вышел на палубу

человек небольшого роста, худощавый, с энергичным лицом, острыми пронизательными глазами и небольшой бородкой с проседью. Взойдя на шканцы, он снял свой пробковый шлем и сказал: «Я Маклай».

Вот так на! А мы за ним идем в Австралию. Доложили командиру и адмиралу. Последний пригласил Маклая к себе и вскоре последовало распоряжение: привезти с парохода вещи и багаж Маклая и его слугу-малайца. Таким образом Николай Николаевич Миклухо-Маклай поселился у нас, а весь наш австралийский маршрут пошел на смарку.

Через несколько дней мы ушли из Батавии на Целебес¹⁴, в Макаassar, голландский городок на юго-западном берегу Целебеса.

Местные власти и общество — давние знакомые Маклая — оказались очень гостеприимными и радушными хозяевами и, между прочим, устроили в нашу честь бал, на котором мы отплясывали и премило провели время с веселыми голландцами до 4-х часов утра.

Лунная тропическая ночь, разноцветные лампы по всем окнам и карнизам большого здания в мавританском стиле, где происходил бал, густой тропический сад кругом, темный, несмотря на горевшие по всем аллеям лампы, — все это производило волшебное впечатление. Из Макассара мы пошли в Амбоину — остров, расположенный на полпути между Целебесом и северным берегом Новой Гвинеи.

Великолепная, глубокая и совершенно закрытая бухта и угольная станция голландцев.

Грузились углем у пристани. Вода кругом синяя, прозрачная, дно чистое, песчаное. Так и тянет купаться, но акул множество. Григорович¹⁵ и Тундерман¹⁶ чуть не поплавились, задумав покататься на малайском «проа» с параллельным противовесом. Посредине бухты они опрокинулись и должны были плыть, пока их не подобрала высланная им на помощь наша шестерка. Несколько позже в тот же день на наших глазах акула утащила одного из купавшихся у самой пристани мальчишек-туземцев. Мы увидели всплеск, услышали отчаянный крик и все исчезло, а вода в этом месте окрасилась в мутно-красный цвет.

Амбоина был последним более или менее цивилизованным пунктом на нашем пути. Далее предстояло странствие

по совершенно диким местам. Для меновой торговли с дикарями, т.е. собственно для добывания от них какой-либо свежей провизии, мы набрали в Макассаре и Батавии разных пестрых материй, ножниц, ножинок, посуды, маленьких зеркал, бус, колец и всяких блестящих безделушек.

Вот засинел справа высокий берег Новой Гвинеи, самого большого из островов Полинезии¹⁷. Кстати сказать, у нас обыкновенная публика совершенно не представляет себе величины этих островов. Наши карты представляют нам эти острова всегда в малом масштабе, поэтому едва ли кто знает, к примеру, что Англия вместе с Шотландией и Ирландией свободно помещается на Борнео; а если вырезать из карты Новую Гвинею и поместить ее в том же масштабе на карту России, то Новая Гвинея займет почти весь север России, от Финляндии до Урала. Быть может, это покажется невероятным, но это так, и каждый может в этом убедиться.

Мы обогнули северный берег Новой Гвинеи и склонились на юго-восток вдоль берега, на в приличном расстоянии от него, так как настоящих карт, более или менее обеспечивающих мореплавание, нет, а то, что нанесено на карту, составлено из набросков и кроки немногих мореплавателей, которые мимоходом в разное время посещали эти воды (Дюмон-Дюрвиль, Рюньи, наш «Витязь» и др.).

Мы продвигались вперед с большой осторожностью, руководясь главным образом цветом воды. На больших глубинах она была темно-синей; начиная с 7–8 саж. — зеленовато-голубой, а с 4–5 — желто-зеленой и, наконец, совсем желтый на коралловых рифах. На фор-салинге был устроен наблюдательный пункт, и там благополучно находились офицер и сигнальщик, наблюдавшие с этой высоты за цветом воды. Этот же офицер правил рулем при нашем приближении к берегу или коралловым атоллам. Ночью мы старались держаться на месте или самым малым ходом отходили от берега.

Первоначальной целью нашего плавания было добраться до бухты Константина, где некогда Маклай, высаженный «Витязем» (кажется, в 1872 г.)¹⁸, провел один-единешенек среди людоедов-папуасов несколько лет, изучая быт, нравы и язык этих интереснейших образцов человечества, стоящих

на самой низкой ступени развития. Рассказы Маклая про свои приключения мы могли слушать без конца.

Он был большой идеалист в области антропологии. Спенсер, Дарвин и др. обрекли дикарей на вымирание, т.е. пришли к заключению, что дикие племена при соприкосновении с нашей цивилизацией настолько не подготовлены умственно, даже самым строением своего мозга, к восприятию новых непонятных им явлений и идей, что слабые их мыслительные способности подавляются окончательно и они кроме тупого ужаса ничего не ощущают. Следствием такого угнетенного состояния духа является сильное падение плодовитости, т.е. прекращение их размножения и, во-вторых, губительная для них склонность ко всяким наркотам, как табак, алкоголь и др., обильно представляемым в их распоряжение рядовыми «цивилизаторами», преследующими, конечно, не гуманитарные цели, а свою личную наживу.

Маклай, не отрицая выводов других антропологов, полагая возможным спасти этих младших братьев наших от гибели и приобщить их к цивилизации, оградив их, во-первых, от всяких хищников-эксплуататоров и, во-вторых, применив к дикарям особую, выработанную им систему постепенного расширения их умственного кругозора. Как первый опыт применения этих благих идей на практике мы взяли с собой из Амбоины двух коров, быка, кур, уток и грудку мешков с разными семенами и корнеплодами.

Но вот мы на параллели большого залива Астролябии, в южной части которого находится бухта Константина.

Пред нами низменный берег, сплошь покрытый густым тропическим лесом. Далее местность постепенно повышается, образуя покатые зеленые холмы, а за ними вдали синее хребет высоких гор, среди которых есть и вулканы. Новая Гвинея составляет одно из звеньев вулканической цепи, опоясывающей огненным кольцом весь Тихий океан.

С большим трудом разглядели мы наконец вход в бухту Константин, отделяемую от моря низменной, но заросшей густым кустарником косою. Грохот нашего якорного каната всполошил попугаев на берегу, и они с пронзительными криками перелетают с дерева на дерево.

В кустах на низменном мысе видно какое-то движение, а иногда показываются и быстро исчезают мохнатые черные головы.

Спущена шестерка; офицер и команда на ней вооружены, на всякий случай. Маклай садится в шестерку и отправляется к берегу, к тому месту, где показывались мохнатые головы.

Не доходя еще до берега, шестерка «сушит весла», а Маклай, поднявшись на банку, кричит на берег что-то, вероятно, успокоительное. Но дикари недоверчивы. Боятся. Тогда Маклай выскочил уже на песок и стал приближаться к кустам, откуда выскочило человек десять дикарей и с громкими криками «Макалай, Макалай» окружили его. Некоторые с пиками и стрелами в руках. Все голые, темно-коричневого цвета с целой копной курчавых волос на голове. На животе — тонкая плетенка из травы, такие же браслеты на предплечье и шее; у некоторых деревянные гребни, у других яркое птичье перо в голове.

Вооружившись биноклями, мы с жадностью разглядываем этих «младших братьев» не без некоторого опасения за Маклая, окруженного ими.

Но наступили уже сумерки, и Маклай возвращается, счастливый и довольный своею беседою со старыми «друзьями».

На ночь мы всячески принимаем некоторые меры предосторожности: усиливаем посты часовых на борту и держим «ухо остро», на всякий случай. Психология дикарей нам уже малодоступна, и осторожность не мешает. На следующий день мы приступаем к выполнению своей «культурной миссии».

На баркас погрузили быка, коров, птицу, мешки и т.п. На беду в последнюю минуту туда же забрался наш козел Васька, любимец и баловень команды. Этот незначительный сам по себе факт имел очень серьезные последствия...

На берегу в направлении деревни Бонгу, на лужайке, нас уже ждали Маклай и большая группа дикарей из Бонгу и соседних деревень. Папуасы были в «парадной форме», некоторые в накидках из рыбьей кожи, все с перьями в голове, с пиками и стрелами в руках, многие с раскрашенными белой и красной глиной физиономиями.

Высадка произошла вполне благополучно. Старики помнили таких зверей еще с прихода «Витязя» и называли их «русскими свиньями с зубами на голове». Ободряемая стариками молодежь хотя и со страхом, но начала уже приближаться к коровам.

Вдруг козел Васька, оставленный на баркасе под наблюдением дневальных и даже привязанный к банке, увидев, вероятно, зеленую лужайку и толпившихся на ней матросов, за которыми привык бегать, вырвался каким-то образом и одним прыжком оказался на берегу, где начал от радости скакать как бешенный.

Увидя неожиданно такого страшного зверя, папуасы в ужасе ринулись в лес и разбежались куда попало, побросав даже свои пики и стрелы. Мы, белые, остались одни на лужайке.

Маклай схватился за голову и сказал с глубокою горечью: «Ах, как досадно, как досадно! Теперь они опять будут бояться!»...

Козел был водворен на баркас и крепко привязан, а мы, забрав быка, коров и прочее добро, тронулись под предводительством Маклая по лесной тропинке к деревне Бонгу.

Лес замкнулся за нами, и мы оказались в полутемноте после яркого прибрежного солнца. Кругом — огромные стволы каких-то деревьев, обвитые лианами; сверху — непроницаемый свод зелени. А внизу, на земле — ни травы, ни заросли, голая земля.

До деревни было версты полторы. Вскоре мы увидели просвет впереди, а затем показались и хижинки.

Деревня состоит из несколько десятков хижин, устроенных из жердей и листьев самым примитивным образом. Внутри вырыто продолговатое углубление в пол-аршина глубиною. По бокам, таким образом, получаются две лежанки; впереди, в другом конце хижины, — очаг, сложенный из нескольких камней. Тут же видна домашняя утварь — несколько раковин разной величины; одни играют роль мисок и тарелок, другие — ножей и ложек. Металлы папуасам совершенно неизвестны.

Постоянное поддержание огня в «домашнем очаге» лежит на обязанности женщин. Беда, если внезапный ливень зальет все деревенские очаги! Это уже «национальное» несчастье.

Нация понимается папуасами только в смысле своей деревни. Соседняя деревня — уже другой народ, иногда дружественный, но большею частью враждебный.

Восстановление погасших очагов требует много труда и времени. Мужчины собираются в хижину совета, чтобы

обсудить создавшееся положение. Приходится принимать за тягостную работу! С досады сначала избивают всех баб, виноватых в недосмотре; но так как это делу не помогает, то достают бережно хранившиеся в хижине совета сухие бревна, служащие для добывания огня трением. В бревне выдолблено небольшое отверстие, в него вставляют палку. Двое мужчин садятся верхом на бревно, лицом друг к другу, и крутят палку в дыре до тех пор, пока дерево не нагреется и, в конце концов, не загорится. Если дерево отсырело, то эта работа совершенно безнадежная. Тогда после долгих усилий приходят к заключению, что надо идти в соседнюю деревню просить огня. Добрые соседи, пользуясь случаем, обыкновенно запрашивают такую цену, которая приводит просителей в ярость. Происходит драка. Огонь берется силою, если она достаточна. Дело не обходится без убитых и раненых. Убитые делаются достоянием победителя и съедаются им.

Людоедство не является признаком кровожадности или лютой. Оно имеет скорее религиозное значение. По понятиям папуасов, нельзя своих родителей или детей бросать на съедение червям или на растерзание птицам. Тело умерших должно войти и соединиться с телом оставшихся в живых членов семьи, что укрепляет этих последних в добродетелях, унаследованных от предков, и сплачивают семью не только духовно, но и физически.

Только трупы бобылей, не имеющих семьи и врагов, убитых в сражениях, делаются достоянием всей общины.

Кушанье это готовится следующим образом: в яме, выложенной камнем, разводят огонь; когда камни достаточно накалятся, выгребают жар, кладут туда умершего, обожженного душистыми травами, заваливают сверху камнями и снова разводят костер на них. Получается нежное тушеное мясо.

На наши расспросы об относительном достоинстве этого мяса, дикари через Маклая ответили, что кенгуру хуже, грубее, а молодая свинья лучше. Надо заметить, что на Новой Гвинее нет никаких хищных зверей и гадов. Единственное крупное животное — кенгуру, водящееся в лесах, а домашнее — свинья черного цвета без шерсти. Не могу не упомянуть о странной моде, существовавшей в то время. Молодые женщины носили на руках маленького поросенка и тут же кормили его своей грудью.

Папуасы, напуганные нашим козлом, постепенно возвращались в свою деревню, но уже никто из них не решался даже близко подойти к загородке, устроенной нашими матросами для скота. Попытки Маклая уговорить баб подойти к коровам, чтобы научиться доить, были совершенно безрезультатны.

Одну бабу матросы шутя подхватили на руки, чтобы поднести к коровнику, но с ней сделался глубокий обморок и ее насилу привели в чувство.

Не знаю, удалось ли Маклаю что-нибудь в смысле полезных растений, но можно с уверенностью сказать, что скотоводство пока не привилось на Новой Гвинее. Напуганные дикари, вероятно, из-за угла пристрелили наш скот из своих луков и стрел и съели.

Вот что наделал козел Васька!

Никаких признаков религии у папуасов не обнаружено. Едва ли можно назвать религией тот страх, который они ощущают пред всяким непонятным для них явлением.

Количество слов на папуасском языке не превосходит 400; из них в обыкновенном употреблении находится сотня-другая. Понятие о числе совершенно отсутствует. Чтобы сказать «два человека», говорят «человек, человек». Все, что выше двух, называется «много».

Все попытки Маклая проникнуть в их понятие о нас, белых пришельцах, указывали только на чрезвычайно слабую работу мысли у дикарей. Видимо, им не под силу было думать об этом. Впрочем, однажды на вопрос, откуда мы пришли, один старик ответил Маклаю: «Луна», — указывая руками на небо. Другой на вопрос, почему они так думают, сказал: «Гром, огонь».

Вероятно, «луна» имела связь с белым цветом нашей кожи, а «гром, огонь» — со стрельбою.

Маклай однажды, живя здесь среди племени Бонгу, выручил их от нападения вражеского племени. Ему достаточно было выйти в своем белом костюме навстречу врагу и выстрелить из револьвера в воздух, чтобы моментально обратить неприятеля в бегство. Слава о страшном белом человеке, производящем огонь и гром, распространился далеко по этим берегам, ограждая племя Бонгу от всяких вражеских попыток.

Простояв около недели в бухте Константин, мы пошли на розыски архипелага Счастливых людей, расположенного, по заявлению Маклая, тоже в заливе Астролябии, к северо-западу от бухты Константина.

В качестве проводников, или лоцманов, Маклай взял трех рыбаков, бывших в этом архипелаге. Но эти несчастные папуасы, вероятно, решили, что они взяты для того, чтобы быть съеденными нами. Они были преисполнены ужаса и трепета, когда их привезли на корабль. Мы успокаивали их, как могли: одарили кусками красного кумача и бусами, привели в кают-компанию и угощали фруктами и сладостями.

Они было немного успокоились немного, но вдруг неожиданно увидели самих себя в большом зеркале, висевшем на стене кают-компания. Глаза их от ужаса почти вылезли из орбит, а зубы начали стучать как в злейшей лихорадке. Их опять вывели наверх к Маклаю, стоявшему на мостике, чтобы он их успокоил. Но страх их не проходил, и двое из них, гуляя после этого в сопровождении нескольких матросов по палубе, увидев в кормовой полупортик свои родные берега, от которых мы все более и более удалялись, бросились за борт и поплыли к себе домой. Их, по-видимому, подобрали папуасские «пироги», шедшие за нами вдаль.

За третьим «лоцманом» пришлось установить особое наблюдение. Помощи он нам, конечно, никакой не оказал, будучи слишком удручен представлявшеюся ему дальнейшей его судьбой.

Мы кое-как рассмотрели искомый архипелаг и с большою осторожностью, все время рассматривая цвет воды с фор-марса вошли в один из проливов между островами.

Из-за ближайшего острова показалось несколько «пирог» с дикарями. Тогда наш лоцман Мармай прыгнул в воду и поплыл к ним. Подобрал его, дикари усиленно начали грести своими лопатками и быстро скрылись за островами.

Как теперь выяснилось, целью нашего прихода на Новую Гвинею было присоединение части его к владениям России.

Предложение это исходило от Миклухо-Маклая и правительство наше, по-видимому, соглашалось иметь опорный пункт для флота в этой части Тихого океана, но окончательное решение этого вопроса было представлено адмиралу Копытову.

Рекогносцировка архипелага Счастливых людей показал нам его удобства как отличнейшего убежища для целого флота. Поэтому мы приступили к съемке этих островов и прилегающего берега, изобилующего удобными бухтами, и к промеру этих вод.

Место нашей стоянки получило названия Рейда Великого Князя Алексея. Один из островов архипелага, расположенный в районе моей работы, называется островом Плансона.

Он, как и все эти острова и прилегающие берега, покрыт густейшей тропической растительностью. Пробраться на него можно только по толстым ветвям мангровых (резиновых) деревьев, далеко простирающимся над водой.

Единственные его обитатели — серые попугаи. Они быстро научились «говорить по-русски», как смеялись мои матросы, и передразнивали шлюпочного старшину, громко считавшего при промере гребки: «р-а-а-з, дв-а-а, тр-и-и, четыре, пя-я-ть... бросай» (лот)≥

Через три недели усиленной работы мы составили довольно приличную карту, отпечатанную впоследствии Главным Гидрографическим Управлением.

Пребывание наше в этой низменной и болотистой местности, в постоянной духоте и жаре (термометр ни разу, даже ночью, не опускался ниже 30 градусов, а днем солнце пекло неимоверно) не обошлось для некоторых из нас даром. Человек пять офицеров, в том числе и я, и десятка два матросов, несмотря на меры предосторожности, заполучили малярию, от которой долго не могли отделаться.

Мы, ушли из Новой Гвинеи, не подняв русского флага на берегу! Почему? Не знаю.

Мы, молодежь, страшно негодовали на Копытова. И как досадно было впоследствии видеть на картах Новой Гвинеи: «Берег Кайзера Вильгельма» на том месте, где раньше была надпись «Берег Маклая». Этот берег, включавший в себе и залив Астролябию, даже по праву открытия должен был принадлежать нам.

Предусмотрительные немцы, как только выяснилось, что мы не заняли этого берега, бросились туда и захватили все, что еще оставалось не занятым голландцами и англичанами, т.е. всю среднюю часть Новой Гвинеи.

Покинув рейд В.К. Алексея, мы направились к островам Адмиралтейства. Описание этих островов была когда-то сделана англичанами и мы, руководствуясь картой, могли войти в бухту главного острова группы.

Здесь, на несчастном низменном берегу, мы увидели большую группу туземцев, родственных папуасам. Маклай с адмиралом Копытовым и несколькими офицерами, сопровождаемые небольшим конвоем вооруженных матросов, съехали на берег. Настроение туземцев было довольно странное и подозрительное. Некоторые из них подходили на своих пирогах к кораблю, что-то кричали, махая пиками.

Когда наша партия возвращалась с берега, галдеж усилился до чрезвычайности. Дикари с угрожающими жестами садились в свои пироги.

Партия вернулась с берега благополучно, но приказано было сейчас же сниматься с якоря. Пока мы подтягивали канат, дикари на своих пирогах отвалили от берега и направились к нам. Чтобы предупредить их нападение, пришлось сделать холостой выстрел из пушки. Тогда они бросились обратно к берегу, а мы тем временем благополучно выбрались из этой негостеприимной бухты в море.

Оказывается, за несколько времени до нашего прихода тут был какой-то корабль, по некоторым признакам немецкий, который, желая забрать в плен несколько туземцев как рабочую силу встретил со стороны дикарей сильное сопротивление, за что подверг их обстрелу и поджег деревню.

Маклай с глубоким возмущением говорил, что ему неоднократно приходилось слышать, что парусные корабли, плавающие в водах Полинезии, нуждаясь в рабочих руках, заходят на дикие острова, захватывают там необходимое количество людей и увозят их с собой, а затем, не доходя до цивилизованного порта, безжалостно выбрасывают этих несчастных за борт за ненадобностью и чтобы скрыть следы своего гнусного преступления.

Следующая наша стоянка была у Гермита¹⁹. Это типичный кольцеобразный коралловый атолл с лагуною внутри и высоким лесистым островом посередине ее.

Туземцы-дикари относились к нам очень дружелюбно и привозили нам свиней, кокосы и бананы в обмен на куски материи, ножницы, ножи, посуду и т.п. Особенно падки

на блестящие безделушки, зеркальца и бусы местные дамы, довольно красивые и грациозные в своих оригинальных «костюмах», состоявших всего на всего из маленького травяного передничка. Мы простояли здесь около недели, делая промер лагуны и входов в нее через атолл. Вода в лагуне была настолько чиста и прозрачна, что при солнечном свете наш якорь, лежавший на глубине 10 сажень, был ясно виден среди водорослей и кораллов.

Выйдя из Гермитской лагуны в открытое море, мы поставили паруса и пошли на север, к группе Пелевских островов, или Пелью²⁰. На этом пути однажды ночью на нас налетел жестокий шквал с грозой, ливнем и градом. Мы или прозевали этот шквал, или не успели убрать лишние паруса, только нас вдруг так накренило, что спавшие внизу вывалились из своих коек. Накинув на себя что попало, я выскочил наверх. Там был чистый ад: рев ветра, хлопанье парусов, шум от падающего крупного града, беготня полуголых матросов, командные слова старшего офицера, старавшегося перекричать рев бури. Снасти скатились все в общую кучу на подветренный борт. Отданные фалы и шкоты не шли, зажав собой бухты снастей.

Когда шквал прошел, мы часа два, промокшие и продрогшие от ледяного душа, разбирались в этой путанице и приводили все в порядок.

После недельного плавания под парусами мы пришли на Пелевские острова. Тут не видно было ни хижин, ни жителей. Маклай, бывавший здесь раньше и знавший наречие этих дикарей, поехал в ближайшую деревню их разыскивать. Он вернулся через несколько часов с пятью ранеными, которым нужна была операция. Оказывается, что здесь за несколько дней до нашего прибытия был какой-то корабль, заходивший за живой силой. И тут была охота на дикарей, расстрел их, поджог деревни и т.п. Были убитые и много раненых. У одного из оперированных были извлечены две пули Манлихора.

Перехода с Пелевских островов на Филиппинские я не помню. Я лежал в беспамятстве. После ночного шквала с градом меня начало лихорадить, сначала не очень сильно, но в последующие дни пароксизмы делались все сильнее, и во время ухода с Пелевских островов я лежал уже без сознания. Таким образом, новогвинейская зараза дала себя почувствовать только через месяц.

Когда я наконец очнулся, я увидел себя лежащим на матрасе на юте под тентом в обществе Эбергарда, Тыркова²¹, кн. Мещерского²² и, кажется, Иванцева²³, заболевших, как и я. Около нас хлопотал наш доктор Голавский. Мы были уже на Зебу, на одном из южных островов Филиппинской группы, и грузили уголь.

Через неделю мы все были уже на ногах и на своих местах, когда корвет становился на якорь в Маниле.

Здесь мы простояли довольно долго из-за починки одного из цилиндров, производившейся в арсенале Кавитэ.

Манила — столица здешних испанских колоний — имела в то время вид обширной деревни, раскинувшейся на берегу залива и впадающей в него реки. Два местных бича: землетрясения и ураганы — не дают возможности городу развиваться и приукраситься. Почти все дома одноэтажные с толстыми глинобитными, иногда каменными, стенами и легкими бамбуковыми крышами, что дает сравнительную безопасность при землетрясениях. Несколько правительственных зданий и иезуитских монастырей, построенных в более крупном масштабе, служат постоянной угрозой своим обитателям. И власти, и страна, и народ — в руках иезуитов. Без их «благословения» ничего не делается. Местный «генерал» этого ордена состоит непрерывным советником при генерал-губернаторе колоний и фактически вся власть в его руках.

Туземцы-тагалы считаются католиками, но говорят, что в лесах, удаленных от административных центров, по-прежнему процветает людоедство.

Городские жители — тагалы — большие франты: безукоризненные белые крахмальные рубашки но... на выпуск, и брюк под ними в большинстве случаев не заметно, а ноги босые. На голове — соломенная шляпа, на шее — яркий пестрый галстук, туго накрахмаленная грудь рубашки, в зубах — сигара, в руках — тросточка. Совсем дэнди, если бы не эти болтающиеся подола с боковыми прорезями у рубашки.

Ярким бликом в моих воспоминаниях о Маниле остался раут у вновь прибывшего генерал-губернатора...

Иллюминированный дворец в темном парке, анфилады парадных зал, чарующая музыка оркестра тагалов, нарядная толпа и... дивная красавица-испанка, с которой я там познакомился и там же, к глубокому сожалению, должен

был расстаться, запечатлев навсегда ее волшебный образ в своем сердце.

Роза, которую она отколола со своей груди и дала мне на память, давно обратилась в прах, но память о ней я сохранил до сих пор...

Из Манилы мы пошли прямо на север, в Нагасаки²⁴ <...>»

1. Плансон Константин Антонович (1862–1921) — гидрограф, вице-адмирал (1915 г.). Окончил штурманское училище и Гидрографическое отделение Николаевской Морской академии (1882 г.). В 1882 г. участвовал в гидрографических работах в Финском заливе. В 1882–1885 гг. на корвете «Скобелев» плавал на Тихом океане, участвовал в гидрографических работах у побережья Новой Гвинеи. В 1891–1896 гг. занимался гидрографическими работами на Онежском озере и в Балтийском море. В 1898–1903 гг. плавал в морях Дальнего Востока. В 1904 г. — флаг-капитан штаба командующего Практическим отрядом побережья Балтийского моря. В 1905–1906 гг. — командир минного крейсера «Стерегущий», с 1907 г. — начальник 2-го дивизиона эскадренных миноносцев. В 1908–1911 гг. — командир крейсера 1-го ранга «Олег». С 1912 г. — начальник Черноморской минной дивизии, затем до 1916 г. — начальник штаба командующего флотом Черного моря. С 1916 г. — член Адмиралтейств-совета. Автор многих статей в журнале «Записки по гидрографии». Растрелян в 1921 г. в Крыму.

2. «Скобелев» (до 27 июня 1882 г. — «Витязь») — корвет. Длина 66,3 м, ширина 12 м, осадка 5,3 м, водоизмещение 2 156 т, паровая машина 1600/1618 номинальных (индикаторных) лошадиных сил, скорость 11–12 узлов, вооружение — 17 пушек. Заложен 23 августа 1861 г. на Бьернеборгской верфи (Финляндия). Спущен на воду 24 июля 1862 г. С 1 февраля 1892 г. — учебное судно. Исключен из списков флота 30 января 1895 г.

3. Анжер — город на берегу Зондского пролива.

4. Банский пролив — пролив между островом Суматра и островом Банка. Современное название — пролив Банка.

5. Копытов Николай Васильевич (1833–1901) — видный деятель российского флота, адмирал (1888). В 1854–1855 гг. на кораблях «Императрица Александра» и «Константин» участвовал в защите Кронштадта от нападения англо-французского флота. В 1857–1860 гг. на корвете «Новик» перешел из Кронштадта в Тихий океан, плавал у берегов Японии, Китая и устья Амура. В 1861–1862 гг., командуя корветом «Гридень», плавал в Тихом

океане. В 1863–1864 гг., командуя фрегатом «Пересвет», в эскадре контр-адмирала С.С. Лесовского совершил переход к берегам Северной Америки и обратно. В 1867–1869 гг. командовал броненосной батареей «Первенец», в 1871–1872 гг. — броненосным фрегатом «Адмирал Спиридов». В 1872 г. назначен военноморским агентом в Англии. В 1876 г. назначен капитаном Санкт-Петербургского порта. В 1882 г. произведен в контр-адмиралы и назначен командиром отряда судов Тихого океана. С 1884 г. — младший флагман, а с 1888 г. — старший флагман Балтийского флота. В 1891 г. назначен Главным командиром Черноморского флота и портов Черного и Каспийских морей и военным губернатором г. Николаева. Похоронен в Санкт-Петербурге на Смоленском кладбище. Оригинальное чугунное надгробие с эмалированным Андреевским флагом сохранено. Автор многих статей в «Морском сборнике».

6. «Африка» — крейсер. Вооружение — 14 пушек, длина 82,6 м, ширина 11,6 м, осадка 4,6 м, водоизмещение 960 т. Одна машина двойного расширения мощностью 1417 л.с. Скорость 12,7 узлов. Дальность плавания 6 400 миль. Парусное вооружение трехмачтового клипера. Построен в 1878 г. в Честере (США). С 24 марта 1906 г. — учебное судно. 15 августа 1922 г. продан совместному русско-германскому акционерному обществу «Деруметалл» на слом, и осенью 1922 г. отбуксирован в Германию.

7. Благодарев Вадим Васильевич (1843–1890) — капитан 1-го ранга. Исследователь Ново-Гвинейского моря. В 1861–1865 гг. гардемарин и мичманом на различных военных судах совершил кругосветное плавание с заходом в устье Амура. В 1869–1877 гг. дважды совершал переходы из Балтийского моря на Тихий океан и обратно: в 1869–1872 гг. — лейтенантом на клипере «Алмаз», 1872–1877 г. — старшим офицером на паровом корвете «Аскольд» (с 1876 г. — в чине капитан-лейтенанта). В 1882–1885 гг. еще раз совершил переход из Балтики на Тихий океан и обратно, командуя корветом «Скобелев». По возвращении произведен в капитаны 2-го ранга, а в 1867 г. — в капитаны 1-го ранга. Командовал броненосцем «Петр Великий».

8. Баптизманский Алексей Родионович — лейтенант.

9. Имеются в виду гардемарины и офицеры с крейсера «Азия». «Азия» — крейсер. Вооружение — 12 пушек, длина 84,4 м, ширина 10,7 м, осадка 4,5 м, водоизмещение 2 449 т. Одна паровая машина двойного расширения мощностью 1 200 л.с. Скорость 15,6 узлов. Запас угля 750 т. Дальность плавания 1 500 миль. Парусное вооружение трехмачтового клипера.

Заложен в 1874 г. на верфи Крампа в Филадельфии (США). С 11 марта 1906 г. — учебное судно. 16.08.1911 г. сдан порту.

15 августа 1922 г. продан совместному русско-германскому акционерному обществу «Деруметалл» на слом и осенью 1922 г. отбуксирован в Германию.

10. Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — русский журналист и публицист. В 1850–1855, 1863–1887 гг. редактировал газету «Московские Ведомости». В 1856–187 гг. издавал журнал «Русский Вестник».

11. Эбергард Андрей Августович (1956–1919) — адмирал. В 1882–1884 гг. на корвете «Скобелев» плавал в Тихом океане. В 1886 г. вновь побывал на Тихом океане на пароходе «Москва». В 1891–1893 гг. плавал на крейсерах «Дмитрий Донской», «Витязь», канонерской лодке «Бобр». В 1899–1905 гг. командовал на Дальнем Востоке канонерской лодкой «Манжур», броненосцем «Цесаревич». В 1911–1914 гг. — командующий Черноморским флотом. С 1916 г. член Адмиралтейств-совета.

12. Алексеев Евгений Иванович (1843–1917) — адмирал (1903). В 1863–1867 гг. на корвете «Варяг» и в 1880–1883 гг. на крейсере «Африка» совершил кругосветное плавание. В 1869–1877 гг. плавал в Средиземном море и Атлантическом океане на клиперах «Яхонт», «Жемчуг» и др. В 1895–1897 гг. командовал эскадрой Тихого океана. В 1903 г. занял пост Наместника на Дальнем Востоке. В 1905 г. назначен членом Государственного Совета.

13. Чупров Николай Леонтьевич (1842–1909/1910) — штурман. Окончил штурманское училище в Николаевске-на-Амуре. В 1863 г. на корветах «Калевала» и «Новик» участвовал в экспедиции В.М. Бабкина по изучению залива Петра Великого. В 1864–1872 гг. исследовал Японское море. В 1875–1891 гг. совершил кругосветное плавание на клипере «Крейсер». В 1882–1886 гг. служил старшим штурманом на корвете «Скобелев». Под его руководством на корвете производились гидрографические работы у побережья Новой Гвинеи и островах западной части Тихого океана. В 1889 г. уволен со службы в чине подполковника Корпуса Флотских штурманов. После увольнения служил в Обществе кронштадтских штурманов.

14. Целебесс — современное название — Сулавеси.

15. Григорович Василий Константинович — лейтенант.

16. Тундерман Павел Карлович — мичман.

17. Новая Гвинея относится к островам Меланезии.

18. В 1871 г.

19. Современное название — Хермит.

20. Современное название — острова Палау.

21. Тырков Петр Дмитриевич (1860–1897) — штурман. В 1882–1885 гг. на корвете «Скобелев» плавал в Тихом океане. Участвовал в гидрографических работах у побережья Новой Гвинеи.

В 1889–1892 гг. лейтенантом находился в заграничном плавании на фрегате «Минин», исполняя обязанности старшего штурмана. В 1895 г. работал вместе с генерал-майором И.П. де Колонгом по определению девиации компасов. Летом 1895 г. временно исполнял обязанности заведующего компасным делом на Балтийском море.

22. Мещерский Сергей Николаевич (1860–?) — князь, капитан 2-го ранга. После плавания на корвете «Скобелев» служил на Балтийском флоте. В 1890 г. в чине лейтенанта был уволен в запас. В 1904 г. вновь определен на службу с прикомандированием к Главному Морскому штабу. В 1906 г. уволен со службы в чине капитана 2-го ранга.

23. Иванцов Николай Алексеевич — прапорщик Корпуса инженеров-механиков.

24. В Маниле контр-адмирала Н.В. Копытова ждала телеграмма из Морского министерства о немедленном следовании «Скобелева» во Владивосток. По этой причине Н.Н. Миклухо-Маклай покинул корвет в Маниле. Закончилось его последнее плавание на корабле Российского Императорского флота, в ходе которого он в третий (и в последний) раз посетил Берег Маклая.

А.Я. Массов

Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ И РАЗВИТИЕ РУССКО-АВСТРАЛИЙСКИХ СВЯЗЕЙ

Николай Николаевич Миклухо-Маклай ряд лет прожил в Австралии. Этот период в его биографии охватывает 1878–1879, 1880–1882, 1883–1886 и 1887 гг. Жизнь и деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая на пятом континенте сыграла заметную роль в развитии русско-австралийских связей. О роли русского ученого, гуманиста и путешественника в развитии отношений между двумя странами можно говорить как в научном, так и в политическом плане.

Впервые Н.Н. Миклухо-Маклай приехал в Сидней 18 июля 1878 г. Состояние здоровья ученого требовало приостановки его путешествий по Новой Гвинее и тропическому поясу Земли и переселения хотя бы на время в страны с более умеренным климатом. Н.Н. Миклухо-Маклай выбрал Австралию, поскольку помимо поправки здоровья рассчитывал «познакомиться с интересною австралийскою фауною». В его планы входило также «дополнение <...> сравнительно-анато-